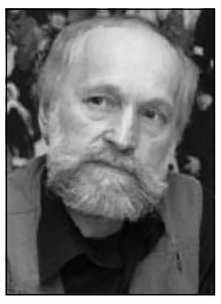
Михаил ПОПОВ

«Души твоей светлая тень…»

***Памяти Александра Роскова** (26.07.1954 – 13.07.2011)*



1.

Разбудила какая-то пичуга. Объявила о себе короткими посвистами, и даже показалось, постучала клювиком в стекло. Я поднялся, осторожно отвёл занавеску. Свету в избе не прибавилось – солнышко, если и поднялось, то за пеленой верхового тумана, не проглядывалось. Пичуга сидела на рябинке, занявшейся белыми цветами, и внимательно смотрела на меня.

Накануне я перелистывал томик Саши Роскова и несколько раз возвращался к его стихотворению «Памяти Николая Рубцова». Перечитывал про себя, но читал, как и вслух, – резко, размашисто, горячо. То есть так, как привык с того дня, как впервые прочитал его.

Было это в январе-феврале 1996 года. Стихотворение стояло в подборке, которую Саша подготовил для печати в «Белом пароходе» (Подборка – мы назвали её «Линия жизни» – вышла в первом номере альманаха за тот же год). В ней было пять стихотворений, в том числе знаменитое «Житие у реки…», потом много раз переизданное и переведённое на все скандинавские языки, а также на английский. Но тогда, при первом знакомстве с новыми стихами, взгляд невольно потянулся именно к «рубцовскому»… Ведь это был знак, путеводная веха, сигнал на уровне подсознания. Я начал читать, и где-то с середины стихотворения сердце закипело слезой. Не с середины – вот с этого места: *«Пей, Рубцов, свой портвейн! Георгины замёрзли твои…»*. В голосе, – а он прорвался наружу, – сам заметил, появились какие-то безысходные и даже обречённо-злые ноты. *«Пей, Рубцов, свой портвейн! Места в жизни тебе уже нет…»*. И вот так, не понижая накала – на боли, на кипении, на разрыве – и прочитал до конца…

Что же произошло вчера, когда, открыв томик Роскова, я стал перечитывать посвящение Рубцову? Внешне будто ничего. А внутренне… Что-то запротивилось во мне, что-то осекло всегдашний накал. А так ли я читаю это стихотворение? То есть правильно ли передаю авторский замысел? И в конечном итоге, а так ли я понял это стихотворение?

Начинается оно в традиционно-элегической Сашиной манере:

А мороз на Крещенье
и в Вологде тоже – мороз,
Как на родине детства,
в Архангельской области…

Тут и на голос и на слух просится соответствующая интонация. Но вот экспозиция завершается, взгляд поэта, а следом читателя останавливается на человеке, рука которого тянется к стакану жгучего зелья, и далее появляется та самая строка, сбивающая зачин, его ритмику, первоначальную интонацию и невольно меняющая всю дальнейшую тональность стихотворения: *«Пей, Рубцов, свой портвейн! Георгины замёрзли твои…»*. Странное дело, повелительные ноты не свойственны поэтике Александра Роскова, а тут повеление проходит рефреном, это «Пей, Рубцов…» повторяется трижды. Вот потому-то, повторюсь, я всегда и читал это стихотворение наотмашь – безысходно, грозно, горячо. К тому побуждала и ещё одна строка: *«…за плечами которой архангел погибели реет»*, уносящая сознание к апокалипсическим пределам.

С отуманенных небес я снова перевёл взгляд на пичугу. Сегодня 13 июня – годовщина Сашиной гибели. И вдруг словно глаза мои открылись. Архангел погибели невидим земному человеку. Стало быть, поэт вложил эти слова в уста того, кто обладает таким зрением. Кто же он? Да ангел-хранитель. Это он, невидимый наперсник Николая Рубцова, рисует трагическую картину и ведёт перечень утрат:

Пролетели твои самолёты, прошли поезда,
и телеги твои,
как ты сам говорил, проскрипели.
Не горит, а мерцает
полей твоих зимних звезда,
в перелесках ветра
твою душу заочно отпели.

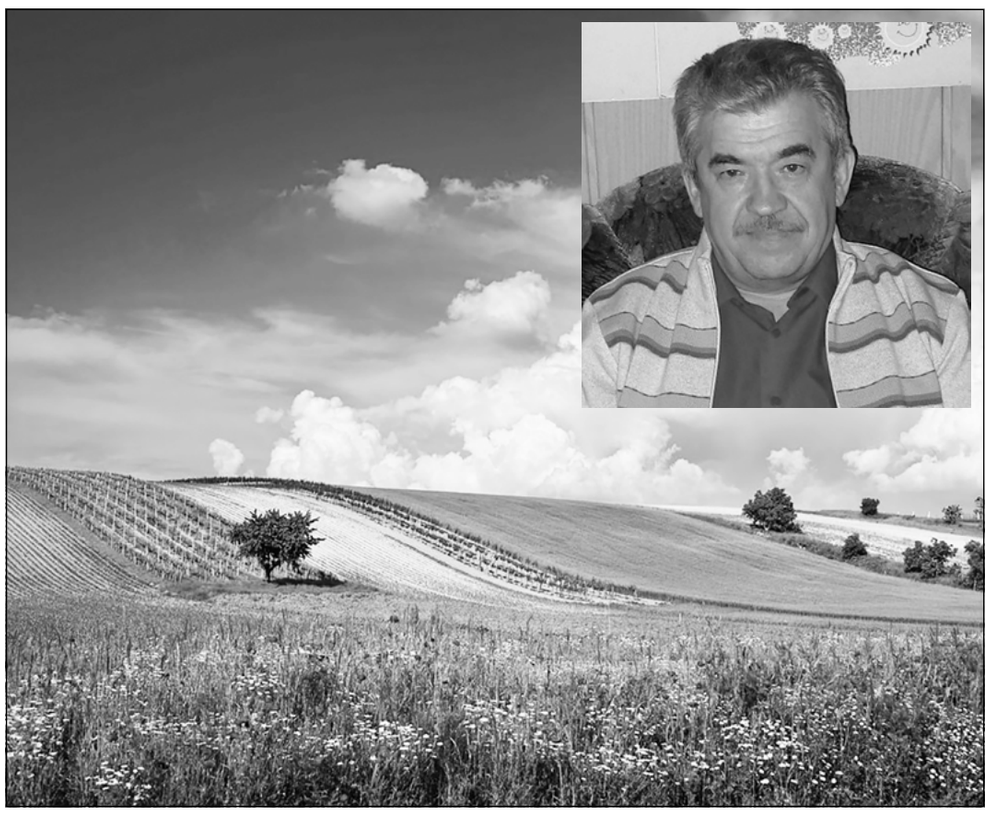
Более не в силах держать Рубцова на погибельном краю, ангел-хранитель, сложив усталые скорбные крылья, подводит итог земной жизни грешного русского поэта и открывает грядущее. В том перечне – мемориальная доска, мемуары и даже памятник, который воздвигнут после его ухода «в городке древнерусском»… Но Рубцов, его душа уже не будут иметь к этому никакого отношения…

Вот так пришло ко мне прозрение, а следом – и вывод: это стихотворение надо читать не так, как доселе читал я, а тихо, смиренно и, может быть, благоговейно, ибо тут завершается исход:

…Кто стучит в дверь поэта
январской морозной порой?
По-хозяйски стучит,
а не скромно и благоговейно?
То судьба, Николай…
Это смерть твоя… Встань и открой…
и налей ей в стакан,
просто – вылей остатки портвейна…

Прочитал я это стихотворение по-новому – и всё встало на свои места. А одну строфу повторил дважды. Она ведь и про тебя, Саша, – про твою Ловзангу, про мою Пертему…

Скорбно сгорбятся избы
любимых тобой деревень,
станут ниже кресты
на заброшенных русских погостах,
пронесётся над ними
души твоей светлая тень,
ты простишься с Россией
без крика – трагично и просто.



Оторвав взгляд от томика, я снова глянул в окно. Пичуги на рябинке уже не было. Только тихо качалась ветка, на которой миг назад она сидела.

2.

Было это несколько лет назад в середине июля. Я шёл по просёлочной дороге, пересекающей просторный двинской луг, и читал то про себя, то вполголоса стихи Рубцова:

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.
За нами шум и пыльные хвосты.
Всё улеглось, одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно…

И вдруг звонок.

– Миша! – «из далёкой дали», как в стихотворении, я услышал твой голос.

– Сашенька!..

– Я под Вологдой… Только что с кладбища… Навещали могилу Рубцова…

Господи! Я аж задохнулся от совпадения. Мобильная связь – да. Но не иначе незримая радуга соединила в тот миг наши сердца, настроенные на одну поэтическую волну. Разве забудешь такое?!

«Мы с тобой серебряные люди», – написал ты в «Посвящении другу», обращаясь ко мне. Нет, голубчик, ты уже золотой. Свидетельством тому твои многочисленные литературные награды и последняя – от «Золотого Витязя», который осенил тебя золотым венцом. Но самая высокая проба золотого слова – признательность народа. Интернет бурлит. Сотни, тысячи обращений к твоим стихам. Десятки, сотни отзывов и поминаний. Россия скорбит, что потеряла такого сына, но одновременно и ликует, что есть у неё такой Поэт, что не иссякает золотой родник отечественной словесности.

Ты теперь, голубчик, далеко. Душа твоя на небесных лугах, в сонме светлых душ. Ошуя сродники – матушка, дед, Иван Матвеевич Воронин, порядовые соседи, однодеревенцы – санный мастер дядя Ваня Дедов, печной кудесник Александр Андреич Старунов, который учил тебя тёплому ремеслу и, конечно, Анатолий Абрамов – простой деревенский мужик, воин и оратай, которого ты своим вдохновенным словом поднял до высот былинного богатыря Микулы Селяниновича… А одесную корневые русские поэты, страдальцы за отчину и дедину – Николай Рубцов, Сергей Чухин и другой Сергуня – златокудрый…

И верится мне, что сомкнётся ваш праведный круг (может, ты и призван замкнуть его) и все вы, заступники и радетели родимой деревни – корневища земли русской, – обратитесь к Всевышнему, а вместе с вами и мы, грешные, и соборно, всем небесным и земным миром мы отмолим нашу Мать-Родину, и расточатся врази ея, и омоется её лик нашими слезами, и расцветёт вновь наша прекрасная Отчизна. И зазвучат в её честь, в честь нашей многострадальной Матери-России, сердечные гимны. И в тех гимнах, Саша, будут твои сыновние слова.

…Новое лето. Снова иду многоцветным лугом. Вокруг ни души. Только три пичуги следуют обочь, перелетая со стебля на стебель, точно многоточия. Стихотворения ли неоконченного, рассказа ли?..

Что должно быть в жизни, то и будет,
или было, или уже есть.
Мы с тобой серебряные люди –
это ни тебе, ни мне не лесть;
просто мы уже не молодые,
нас такими сделали года:
у меня давно виски седые,
у тебя – седая борода.
Если же обоих нас зачислить
как людей – в народное добро,
то в прямом и переносном смысле
для страны мы тоже – серебро…

Замедляю шаг. Окидываю луговой простор. Жизнь прожить – не поле перейти. И поднимаю отуманенный взор к небу.

…И слова как в той библейской притче
(вспомни-ка – о сеятеле, где
слово в зерновом встаёт обличье?),
в благодатной прорастут среде,
добрые дадут ростки и всходы
в чьих-то душах – Библия права.
И любезны будем мы народу,
землякам своим за те слова,
что волшебной обладают силой –
жечь людские чёрствые сердца.
И грешны мы будем до могилы
перед Богом, то есть – до конца.

…Пусть, когда умрём мы, неизвестно,
мне б хотелось встретиться с тобой
после смерти в Царствии Небесном,
там – в Небесном Царстве. Боже мой…

г. Архангельск

Валентина ЕРОФЕЕВА

Вам – крупному и крутому…

О поэзии и около неё

Скорее всего, многим знакомо это чувство – родом из подросткового буйного возраста, – когда выходишь даже из-под собственного контроля, рьяно «воспитывая» и направляя в «нужную сторону» родителей, друзей, знакомых… А чувство это вот какое: мама, дорогая (или папа, дорогой… – но над мамой проще поиздеваться), останови ты меня, пожалуйста! Что, не видишь разве, не ощущаешь, как я уже все границы дозволенного перешагнул в раже обличительства и поучительства? Останови-и!! Пощёчиной… Подзатыльником, ремнём – если ты отец… Да просто заори, наконец, на меня! Рыкни!.. А-а, вспомнили!.. Покраснели даже… Да, такие эпизоды из жизни знакомы, видимо, многим. По крайней мере, из детства.

Вот и нам сейчас криком кричат со страниц одного уважаемого литературного издания:

О, сколько ляпов,
сколько огрехов
в книгах моих!
Но самое ужасное,
что кроме меня
этого не замечает никто…
И как-то очень нехорошо
начинаешь думать, в частном и целом,
обо всём прогрессивном
и непрогрессивном
человечестве, в рот ему дышло!

Это вопиет страдальчески с двухстраничной, двухполосной обширной публикации один именитый поэт, крутая крупная личность… Назовём его пока условно Л.К.

Ладно, придётся помочь от имени *прогрессивного и непрогрессивного человечества*, если поэт так просит, так жаждет, чтобы увидели, поняли, одёрнули его. Наказали, наконец, хотя бы ответным словом… Ему будет легче от этого. Вздохнёт свободнее.

Измучился ведь вконец талантище. В опубликованных последних двадцати шедеврах двадцать восемь раз (простите, не поленилась… ведь спасать и человека и человечество надо) встречается яркое местоимение «Я». А уж притяжательных: *мой, моё, моя, обо мне* (но тут я испугалась громады задачи и считать не стала – просто навскидку) – на порядок больше. Да-да, не верите – проверьте.

Есть чудная уловка в литературе – списывать все огрехи на так называемого *лирического героя*. Спишем? – Спишем, конечно, а куда ж денемся. Итак, лирический герой весь, как ёжик в иголках, в энтих самых местоимениях. Тем не менее – голый. Ещё Евтушенко в лучших своих стихах когда-то признался, что «поэты голы». И в голизне этой у нашего поэта Л.К. *«глухо, беспробудно, тяжело»*, *«тухло … как в тюрьме»*. Любовь по имени Сарра давно уехала и *«вышла за какого-то засранца»* (прости, мой добрый читатель, за лексику – не моя она, клянусь):

Разошлись любовные пути,
Пролетела жизнь без остановки…
И нигде еврейки не найти,
Сплошь одни хохлушки и жидовки.

Вот так, измельчал народ дамский вкруг крутой крупной личности и рассосался сам собой:

И я, позабытый дамами,
Под ранний метельный свист
В межвременье вмёрз меж рамами,
Как жаркий кленовый лист…

Вроде бы всё, конец – *«сгинул грустно праздник милый»*. Ан нет – резкая сублимация произошла, переход одного вида энергии в другой. Какой? И какого качества? Ну-ка, ну-ка, глянем…

Селянин встретился по дороге лирическому герою… но оказался стихобрёхом:

И вонючими дрянь-стихами
Про берёзки и зеленя,
Про навоз, без роз, с лопухами,
Словно дятел достал меня.

А далее друг ушедший вспомнился ненароком парою строк, но опять к себе, любимому, закольцевался:

И в круговертях чёрных
Затравленно дышу,
Но не живых, а мёртвых
О помощи прошу.

К родословной душа потянулась, застыдившись содеянного-сотворённого, но и тут (опять двадцать пять!):

Живу с неизбывной виною,
Что мог жить Судьбою иною,
Что следствием стал и виной
Каких-то безвестных событий,
Где явность моя, как вина!
Судите, но лучше простите!..
А впрочем, а впрочем, идите
Идите подальше, чем на!..

В общем, послал всех… Далеко… Но для верности уцепившись параллельно (или перпендикулярно?) за лже-лермонтовский мотивчик:

Прощай, немытая Россия,
Страна бессмысленных жлобов.

И что, вы думаете, дальше произошло с нашим героем? Да ничего: встал, отряхнулся, пошёл дальше и скромно пристроился в очередь:

Я за Господом стою
Пред вратами ада.

Настолько высокое раскаянье, что прямо вот так и стоит за тем-то и тем-то?! – Да нет, здесь опять именем чужим прикрылся наш лирический герой в «Поминая Владимира Высоцкого». Кстати, весьма и весьма достойный стих. Как только наш герой выходит за пределы притяжательных местоимений и «Я» – его можно начинать с интересом изучать.

И вот ещё пример: классически выверенное по внутренней музыке и высокой гармонии мысли стихотворение (приведу его полностью – оно этого достойно):

Всё сильней занимается
Мой высокий костёр
И туман поднимается
С одиноких озёр.
Светоносное марево
Окружает меня,
Как бесплотное зарево
Неземного огня.

Высшей волей влекомый,
Жажду душу спасти,
И во тьме невесомой,
Словно ангел почти…
Тень чужая мелькает –
И темна тишина…
Но в тумане сверкает
Золотая струна.

Этой ночью туманной –
Я, как в жизни иной!
Но следит неустанно
Ангел Смерти за мной…
У него на примете
Я всю жизнь, как во сне…
Только он в мире этом
Знает всё обо мне.

Только он принимает
Всё как есть – наяву,
Только он понимает,
Что давно не живу…

Мотив – трагичен. Оттого, может быть, трагичен, что переизбыточны притяжательные местоимения в других стихах, когда почти все иные – не живущие, а существующие рядом – «немытые» и «жлобы»; когда доминируют пинки, тычки и адресный посыл туда-то и туда-то… Когда:

Все, кому не дали в рыло,
Получили по рогам.

И начинаешь сомневаться, не в гордом ли одиночестве останется такой вот мини-шедевр среди нагороженного вседозволенностью хлама и не заимствован ли и он (нечаянно) у кого-то из высоких творцов Поэзии?

Лев Котюков, ну вот и всё: я выполнила свою часть задачи. Надеюсь, освободила вас от того, что вас так тревожило:

И как-то очень нехорошо
начинаешь думать, в частном и целом,
обо всём прогрессивном
и непрогрессивном
человечестве, в рот ему дышло!

И, Лев Константинович, – просьба (чисто по-женски): никогда не опускать крылышки (даже остатки их), и навсегда забыть о местах,

Где никому не надо знать,
Что смысла нет себя спасать!

Везде и всюду будет жив этот святой смысл, озвученный ещё Серафимом Саровским: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи».

Вам ли, крупному и крутому, этого не знать…

Юрий ГОРБУНОВ

Холодная война в литературе

Нестареющая тема книги Фрэнсис Сондерс «ЦРУ и мир искусств…»

Как гроза с ясного неба в 1999 году влетела на книжный англоязычный рынок книга о скандальной истории подрывной деятельности ЦРУ в области культуры тогда ещё малоизвестного автора, ныне – широко известной британской журналистки и историка культуры Фрэнсис Стонор Сондерс *«ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны»*. Книга была опубликована и в США. Сегодня эта книга издана на французском, немецком, итальянском, арабском, турецком, болгарском, китайском, греческому, испанском, русском и других языках.

В советские времена честные исследовали правдиво описывали формы и ход этой идеологической войны, не законченной и поныне. В отличие от классической идеологической борьбы середины прошлого века ныне элиты используют самые новейшие электронные средства и поэтому ее убойная сила возросла многократно. Она охватывает художественную литературу, искусство, театр и музыку, все гуманитарные науки.

Известно, что книги честных исследователей разгоняют тьму, которой власть предержащие приказывают окутывать реальные отношения, складывающиеся и постоянно меняющиеся в человеческом обществе. Книги, написанные на заказ Сороса и ему подобных мошенников, наоборот предназначены для затемнения разума и ослепления человечества – в любом буржуазном государстве. Так было, так есть и так будет в любом классовом обществе.

Мой первый рассказ о книге честной английской исследовательницы, которая попыталась разогнать тьму, обволакивающую политику в области культуры, проводимую объединёнными элитами империалистических держав с началом холодной войны в мире. Исследовательница приподняла плотный занавес над тайнами, которые тщательно охранялись, но уже в 1960-е годы утратили секретность. Начался скандал.

Ох, тяжелая была эта работа…

На протяжении пяти лет Фрэнсис Сондерс штудировала документы более чем 30 американских и британских архивных коллекций. Она проанализировала огромный массив теперь уже открытой информации. Она одна из тех героев в отряде прогрессивной интеллигенции, кто до Викиликс и Сноудена пытались докопаться до истины, кто не приемлет той системы обмана, которую отстроил государственный аппарат в США для манипуляции общественным мнением внутри страны и за ее пределами.

Она вспоминает о годах, проведенных в архивах. Часто ее там охватывало «волнение, вызванное тем, что раскрылись связи, сложились цепочки, что неразгаданная загадка или гордиев узел превращается в доказательства и важнейшие аргументы».

Мать Фрэнсис Сондерс была убеждена, что ее дочь похитит ЦРУ. Она боялась, что ею «начнут манипулировать или играть. Некоторые обманы были настолько изощренные – как костлявая рыба, которую нельзя проглотить; другие – разжигали аппетит, и их проще было понять».

В США первый издатель (издательство «Свободная пресса»), напуганный официальной пропагандой и взялся было за издание книги, но затем отказался и объяснил почему: автор «недостаточно подчеркнула, что «американская позиция была справедливой» и что «ЦРУ и другие были на стороне добра».

Книга была опубликована издательством «Новая пресса».

Книгу ожидали интересные приключения. В Англии в эфир вышла радиопередача об этой книге (1999 г.). В ней принял участие Генри Киссинджер. Френсис вспоминала: «Нервное напряжение заставило меня замолчать, а в памяти зафиксировались ногти на пальцах Киссинджера, которые были обкусаны до крови. Он покинул студию посреди передачи, очевидно, недовольный утверждением, что бомбардировка Камбоджи и свержение Сальвадора Альенде были незаконными».

«На презентации в Риме я была втиснута между двумя спикерами, которые пришли в бешенство настолько, что набросились друг на друга. Мой издатель вмешался до того, как они схватили друг друга за грудки», – вспоминает она.

На приеме в Лондоне в 2007 году Сондерс была представлена премьер-министру Гордону Брауну, который сказал, что прочитал книгу с большим интересом и подумал, что подобный культурный фронт был бы очень уместен в существующих обстоятельствах. «Я не одобряю того, что эта книга может быть взята каким-либо правительством на вооружение в качестве руководства по применению для использования *«мягкой силы»*. (Называется прочитал!!! Не то, что не понял, но и не мог понять, потому что сам участвовал в играх спецслужб подобно многим другим премьер-министрам Европы. Их Буш младший в годы своего президентства нередко без стеснения величал «нашими пуделями», – *Ю.Г.*)

Путешествие книги Сондерс по странам и континентам продолжается. Её читатели находят в ней подтверждение фактам, которые давно известны и без архивных источников. Их нетрудно обнаружить в жизни многих государств.

Нашествие американизированной буржуазной культуры продолжается. Теперь она в большей степени внедряется с помощью военных действий и грубых идеологических диверсий… В СССР многие факты, описанные в книге Фрэнсис Сондерс, были известны. В далёком 1972 году, например, в свет вышел сборник статей «Идеологическая борьба в литературе и эстетике». Сборник был подготовлен учёными Институтом мировой литературы им. А.М. Горького.

В статье Я.Засурского «Буржуазное американские общество и литература» (с.53 и далее) рассказана вкратце история, описанная Сондерс. В 1972 году!!! К сожалению, британская журналистка не знакома с советской литературой на тему своей книги. Не знает она и статей Максима Горького и Анатолия Луначарского о классовой борьбе в литературе и искусстве. Видно, не знает и русского языка.

Однако в книге Сондерс читатель может обнаружить интересные истории об участии русских и русскоязычных белоэмигрантов, черносотенцев и других врагов пролетарской диктатуры, верой и правдой служивших иностранным спецслужбам. Например, о братце Набокова – Николае. Об Исайе Берлине, «сердечном друге» Ахматовой. И многое другое.

«Голос Америки» вступает в бой с Фрэнсис Сондерс

В рецензии, озвученной «Голосом…», полностью отвергалась мысль о возможности участия правительства в творчестве художников. «Это неизбежно грозит основе основ свободного общества – свободе высказывания» – говорилось в ней. Однако факты свидетельствуют о другом.

Факт первый. Действительно, «в 1952 г. американское правительство выделило 166 тысяч долларов (в наше время это более миллиона) на гастроли, которые принесли всемирную славу Бостонскому симфоническому оркестру…».

Факт второй: «Деньги американских налогоплательщиков в немалых количествах ушли и на то, чтобы обеспечить международную известность Марку Ротко, Джексону Поллоку, Дэвиду Смиту – художникам, которых называют абстрактными экспрессионистами».

Далее шла сплошная ложь для русскоязычных радиослушателей, которые на английском не могли прочитать эту книгу до 2013 года.

Ложь первая: «денежные вливания в культуру шли не непосредственно из федерального бюджета, а от организации, именуемой «КОНГРЕСС ЗА СВОБОДУ КУЛЬТУРЫ». Об этом Конгрессе (Congress for Cultural Freedom – имеется статья в Википедии, но только на английском). Он был создан в 1950 г. и просуществовал до конца шестидесятых. В эту организацию, напоминавшую международный клуб, входили практически все выдающиеся художники и интеллектуалы, не попавшиеся на удочку коммунистической пропаганды».

Но использовавшиеся в антикоммунистической деятельности – добавим мы!! Это правда.

Ложь вторая: «Не многочисленные американские фонды, а якобы «Конгресс проводил десятки конференций, издавал журналы, пожалуй, до сих пор непревзойденного интеллектуального и литературного уровня, такие как «Энкаунтер» в Англии, «Прев» во Франции, «Монат» в Западной Германии». И названы авторы, которые регулярно печатались в этих изданиях: *Исайя Берлин, Найпол, Николай Набоков, Оден, Борхес, Ивлин Во, Раймон Арон, Бертнар Рассел* и которые сегодня, может быть, очень бы пожалели, что трудились в этих изданиях за тридцать сребреников…

Об антисоветчике и русофобе Исайе Берлине вы, уважаемые читатели, возможно слышали: он стал другом Анны Ахматовой и кумиром русскоязычных либералов.

Затем были сказаны два слова правды: «Хотя связь Конгресса с ЦРУ была впервые вскрыта в 1967 г., затем после-